

Научная статья. Исторические науки

УДК 94(591)

DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-249-268

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В БИРМЕ/МЬЯНМЕ (Часть 1.)

Фёдор Алексеевич ПОПОВ¹

¹ МПГУ, Москва, Россия,

popovf1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8867-3300>

Аннотация: Гражданская война в Мьянме (до 1989 – Бирма) является одним из самых длительных вооружённых конфликтов в мировой истории, который не окончен до сих пор. К причинам конфликта следует отнести длительный перерыв в бирманской государственности из-за британской оккупации, сложные межэтнические отношения, экстремизм местной коммунистической партии. В статье ставится проблема периодизации гражданской войны, перечисляются знаковые события, которые можно принять за формальное начало конфликта. Отстаивается тезис о невозможности выстроить непротиворечивую периодизацию конфликта. Наряду с борьбой армий в Бирме-Мьянме шла острая борьба идей: демократического социализма, связанного с интеллектуальным наследием Аун Сана и премьер-министра страны У Ну; авторитарного «бирманского социализма» генерала Не Вина; коммунизма, олицетворяемого Компартией Бирмы. В 1988 г. обозначился крах социалистических экспериментов и возрождение буддийского фундаментализма при поддержке нового военного правительства, в свою очередь идеи демократического социализма трансформируются в бирманский левый либерализм. На всём протяжении гражданской войны в неё были в разной степени втянуты Великобритания, Китай, США и ряд других государств. Автор указывает на возможные пути изучения мьянманской истории российскими исследователями.

Ключевые слова: *Мьянма, Бирма, гражданская война, Тамадо, Антифашистская лига народной свободы, Бирманский путь к социализму, бирманистика, Аун Сан, бирманский национализм, Компартия Бирмы, буддизм, этнические меньшинства*

Благодарности: *автор выражает благодарность российскому бирманисту Марии Тихомировой*

Для цитирования: *Попов Ф.А. Дискуссионные вопросы гражданской войны в Бирме/Мьянме (Часть 1.) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2023, Том 2, № 2 (59). С. 249–268. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-249-268*

Original article. Historical science

CONTROVERSIAL ISSUES OF THE CIVIL WAR IN BURMA/MYANMAR (Part 1.)

Fedor A. POPOV¹

¹ MPGU, Moscow, Russia,
popovf1992@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8867-3300>

Abstract: The civil war in Myanmar (until 1989 - Burma) is one of the longest armed conflicts in world history, which has not yet ended. The reasons for the conflict include a long break in Burmese statehood due to British occupation, complex interethnic relations, and extremism of the local communist party. The article raises the problem of periodization of the civil war, lists significant events that can be taken as the formal beginning of the conflict. The thesis about the impossibility of building a consistent periodization of the conflict is defended. Along with the struggle of the armies in Burma-Myanmar, there was a sharp struggle of ideas: democratic socialism, associated with the intellectual heritage of Aung San and the country's prime minister, U Nu; the authoritarian «Burmese socialism» of General Ne Win; communism, personified by the Communist Party of Burma. In 1988, the collapse of socialist experiments and the revival of Buddhist fundamentalism, with the support of the new military government, were marked, in turn, the ideas of democratic socialism were transformed into Burmese left-wing liberalism. Throughout the civil war, Great Britain, China, the United States and a number of other states were drawn into it to varying degrees. The author points to possible ways of studying Myanmar history by Russian researchers.

Keywords: *Myanmar, Burma, civil war, Tatmadaw, Anti-Fascist People's Freedom League, Burmese Road to Socialism, Burmese studies, Aung San, Burmese nationalism, Communist Party of Burma, Buddhism, ethnic minorities*

Acknowledgments: *the author is grateful to the Russian researcher of Burma, Maria Tikhomirova*

For citation: Popov F.A. Controversial Issues of the Civil War in Burma-Myanmar (Part 1.). *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2023, T. 2, № 2 (59). Pp. 249–268. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-249-268

Деколонизация Юго-Восточной Азии (ЮВА) после Второй мировой войны сопровождалась масштабной волной насилия. Уже на стадии противостояния колониальным властям (французским во Вьетнаме, британским в Малайе, голландским в Индонезии) наружу выходили противоречия внутри колонизированных обществ. Наиболее распространённой моделью конфликта был конфликт между националистическим и коммунистическим сопротивлением (яркий пример – Мадунский мятеж индонезийских коммунистов в период индонезийско-голландского перемирия в 1948 г.). Ситуация в постколониальной Бирме носила принципиальные отличия от других стран региона, прежде всего, таких «проблемных» как Вьетнам и Индонезия. Во-первых, независимость страны была достигнута условно «мирным» путём. После освобождения от японских оккупантов не последовало войны против Великобритании, а условия независимости были отрегулированы рядом соглашений, главным из которых стал англо-бирманский договор 17 октября 1947 г. Во-вторых, неизбежно вспыхнувшая в Бирме гражданская война, не будучи столь кровопролитной как серия индокитайских войн (во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже), не закончилась до сих пор и считается самым длительным конфликтом в ЮВА. По сей день не устранена одна из главных причин, толкнувших Бирму (с 1989 г. – Мьянму) в круговорот насилия: спорность национально-административного устройства, которое позволяет сепаратистам из этнических меньшинств обвинять центральное правительство в «бирманском шовинизме». При этом следует помнить, что конфликт по линии «центр – окраины»/«бирманцы – небирманцы» не единственный фактор дестабилизации Мьянмы. Переворот 1 февраля 2021 г. оживил антагонизм внутри, казалось бы, гомогенного бирманского большинства, заставив вспомнить о том, что боевые действия 1940-60-х гг. велись не только на окраинах, но и в центре страны. Данная статья призвана осветить ряд спорных вопросов, связанных с военно-политическим противостоянием в Бирме-Мьянме в XX-XXI вв. и, по возможности, придать понятию «Гражданская война в Бирме» более строгий концептуальный вид в отечественной историографии.

Периодизация

Первым вызовом, с которым сталкивается исследователь Гражданской войны в Бирме, является её незавершённость, затрудняющая периодизацию. Сложный многосторонний конфликт не мог вспыхнуть мгновенно после обретения Бирмой независимости в 1948 г. – его

ближайшие истоки уходят во Вторую мировую войну. Провозглашённое при поддержке японцев Бирманское государство во главе с авторитарным вождём-«адипади» Ба Мо (лидер партии «Синьета», т.е. «бедняков») послужило «черновым» вариантом бирманской государственности. Передача управленческих функций коллаборационистам практиковалась как в Европе, так и в ЮВА: ближайшим аналогом бирманского прецедента является создание Независимого государства Хорватии с одобрения нацистской Германии, союзника Японии.

Британские власти долгое время покровительствовали меньшинствам – особенно индусам и каренам – что ярче всего проявлялось в экономической жизни (засилье индусской диаспоры) и при комплектации колониальной армии в Бирме (приоритетный набор небирманцев). К политике сознательной дискриминации бирманского большинства в пользу меньшинств может быть применён термин «affirmative action» («позитивная дискриминация»). Культивируя послушные элиты малых народностей, британцы предотвращали возрождение Бирманского королевства, бывшего в начале XIX в. геополитическим «тяжеловесом» ЮВА. Бирманские националисты, получившие оружие от японцев, в 1942-1945 гг. пытались радикальными методами скорректировать последствия британской национальной политики. Столкновения прояпонской Армии Независимости Бирмы (АНБ) с каренскими пробританскими партизанами в округе Салуин и дельте Иравади стоили жизни 2 тыс. мирным каренам (и стольким же бирманцам)¹. Ещё более кровопролитным было противостояние между мусульманским и буддийским населением в Ракхайне (Аракане). В свете обострившейся с 2017 г. проблемы «геноцида рохинджа» (т.е. бенгальцев-мусульман, осевших в Бирме в период британского правления) виновником резни 1942–1943 гг. выставляется исключительно «буддийский фундаментализм», хотя непосредственные свидетели указывают на имевшие место эксцессы с участием мусульманских добровольцев британских диверсионных групп, которые «вместо того, чтобы сражаться с японцами, разрушали буддийские монастыри и пагоды и сжигали дома в араканских деревнях»².

Осознавая бессмысленность поиска ответа на вопрос «кто виноват?» относительно данных преступлений (в которых пострадали как «пробританская», меньшинственная, так и «прояпонская», бирманская сторона), следует ограничиться констатацией того факта, что насилие вошло в повседневность Бирмы за несколько лет до независимости. Что ещё более важно, военизированные формирования (бирманские, каренские, коммунистические и т.д.), принявшие участие в Граждан-

ской войне, также получили свой первый опыт в ходе Второй мировой войны. К Гражданской войне бирманское общество подошло максимально милитаризованным.

Точкой отсчёта бирманской гражданской войны могла бы послужить трагедия 19 июля 1947 г. – расстрел 7 членов Исполнительного совета, в т.ч. его главы, национального героя Бирмы-Мьянмы Аун Сана. Действительно, преждевременная гибель популярного лидера освободительного движения стала непоправимой утратой для независимого государства. Роль Аун Сана в истории Бирмы – и при демократии, и при диктатуре – интерпретировалась в монархическом ключе: уже вскоре после его смерти премьер-министр У Ну назвал Аун Сана «пятым объединителем Бирмы», после королей Аноратхи (1044–1077), Байиннауна (1550–1581), Алаунпайи (1752–1760) и Синбьюшина (1763–1776)³. Утрата харизматичного национального лидера в определённой степени запускала механизмы гражданского противостояния, обостряла партийную борьбу. С другой стороны, всенародное возмущение убийством и «английский след» в трагедии ускорил провозглашение независимости. На короткий период даже произошло потепление отношений между правящей Антифашистской лигой народной свободы (АЛНС) (по иронии судьбы, состоявшей из бывших союзников стран Оси, в марте 1945 г. «повернувших штыки» против японцев) и ведущей оппозиционной силой – Коммунистической партией Бирмы (КПБ), руководство которой осудило убийство⁴. На наш взгляд, убийство Аун Сана, безусловно, имело долгосрочные последствия, повлиявшие на поляризацию бирманского общества. В качестве руководителя страны практичный Аун Сан, вероятно, был бы более подходящей фигурой, чем излишне философствующий У Ну (по оценке российского бирманиста В.Ф. Васильева, У Ну – это «достойный человек не на своём месте»⁵). Однако, с формальной стороны события 19 июля 1947 г. ещё не были началом гражданской войны.

Гражданские войны часто возникают в результате локальных мятежей, которые постепенно охватывают всё бóльшие территории. В этой связи старт бирманской гражданской войны логично искать в местных выступлениях 1946–1947 гг. Первые из них произошли в Ракхайне. Вскоре после окончания войны в этом регионе дала о себе знать Араканская народно-освободительная армия во главе с коммунистически настроенным монахом У Да Сейном⁶. В марте 1946 г. из-за несогласия со слишком «примиренческой» (по отношению к правящей АЛНС) генеральной линией КПБ из состава партии вышла «Бирманская коммунистическая партия Красного флага» (далее –

«Красный флаг»). Под руководством своего вождя, Такина Со, эта немногочисленная группа развернула партизанскую войну, преимущественно в том же Аракане. Нестабильность Западной Мьянмы, по мнению Р. Тэйлора, связана с поздним вхождением её областей в состав бирманской империи Конбаунов: Аракан был завоёван королём Бодопайей в 1784 г. и затем аннексирован англичанами в 1826 г.⁷ Главное отличие мятежа «Красного флага» от выступлений местных исламских муджахидов и араканских сепаратистов заключалось в том, что, имея базу в Араканских горах, «Красный флаг» планировал осуществить коммунистическую революцию в масштабах всей Бирмы. Этой же цели будет добиваться и «основная» КПБ («Белый флаг»).

На наш взгляд, задача построения единой и непротиворечивой периодизации Гражданской войны в Бирме едва ли может быть решена – как по причине крайней многосторонности конфликта, так и в силу его перманентного характера. Историкам-бирманистам уместней приступить к выстраиванию не периодизации, а периодизаций (во множественном числе) – для каждого этнического или политического конфликта, затронувшего бирманское общество с 1948 г. Любой из этих конфликтов (локальных «гражданских войн») имеет автономную от других конфликтов логику развития и требует «индивидуального» подхода к себе. Так, борьба бирманского правительства с коммунистическими повстанцами вполне поддаётся периодизации и финальному осмыслению, т.к. де-факто завершилась в 1989 г. роспуском КПБ. При установлении хронологических рамок противостояния с каренскими, шанскими и качинскими повстанцами следует учитывать не только знаковые военные события, но и внутренние расколы в этнических организациях, влиявшие на их (не)желание вступать в переговоры с центром. Вместе с тем, нельзя полностью отказываться в ключевом значении «опорным точкам» общепирманской истории – 1948 г. (обретение независимости), 1962 г. (переворот Не Вина), 1988 г. (массовые протесты и новый переворот) и, наконец, 2021 г. (свержение правительства Национальной лиги за демократию (НЛД)). Возможно, периодизация «глобальной» (идущей до сих пор) гражданской войны в Мьянме в самых общих (и весьма неточных) чертах может быть выстроена вокруг этих «хрестоматийных» событий.

Борьба идей

Начиная с Октябрьской революции 1917 г., экспорт коммунистической идеологии в колониальные страны Азии играл значительную роль в нагнетании алармистских настроений среди западной об-

щественности. В массовом воображении интеллектуалами-антикоммунистами рисовался образ «спящей Азии» («спящей Индии», «спящего Китая», «спящего исламского мира»), которая может быть «разбужена» идеями радикально-уравнительного, антиколониального социализма с гибельными последствиями для европейско-христианской цивилизации. Особенное беспокойство доставляла перспектива соединения азиатского «количества» с марксистским «фанатизмом». Советская сторона подпитывала эти страхи, заигрывая с национально-освободительными движениями и поддерживая создание новых компартий на Востоке. Националисты, слабо разбираясь в социалистической догматике, видели в Москве ориентир и потенциального союзника. Показательно, что после казни в 1931 г. Сая Сана – предводителя крестьянского восстания галонов в Бирме (монархического и традиционалистского по своей идеологии⁸) – капитал, завещанный им на создание библиотеки, был потрачен на закупку сочинений Маркса, Ленина и Троцкого⁹.

Революционная стратегия призвана была учитывать фактор бурной религиозной жизни колониальных народов. Восстания против колонизаторов зачастую вспыхивали под лозунгами защиты религии. В связи с этим центральные (Коминтерн) и местные коммунистические организации должны были скорректировать свою позицию по религиозному вопросу, чтобы не стать уязвимыми для обвинений в «безбожии». В СССР, как координационном центре мирового коммунистического движения, предпринимались новаторские попытки переосмыслить в социалистическом русле две мировые религии, распространённые в колониальном мире, – ислам и буддизм. Теория о близости учений Будды и Маркса, прежде всего, предполагалось применить внутри СССР – для агитации в Бурятской АССР и в де-факто подконтрольной Монголии, хотя содействие советской власти в этом направлении пытались оказать всемирно известные теософы-ориенталисты Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи, для которых данный вопрос имел глобальное значение¹⁰.

С началом холодной войны, частью которой была и Гражданская война в Бирме, проблема советской экспансии в Азию актуализировалась. Русский философ И.А. Ильин в 1948 г. писал, что «гражданские войны разжигаются во всей Азии: в Корее, в Бирме, в Индокитае, в Индии, на Яве, на Филиппинах. ...Какое число иноземных коммунистов, переодетых китайцами, корейцами, бирмианами, малайцами, индусами, организует эти войны или просто сражается в них..., знают только одни коммунистические штабы»¹¹. Специфика идеологической

конфронтации в Бирме заключалась в том, что альтернативой коммунизму в этой стране выступал «буддийский социализм», причём такая ситуация сохранялась как при демократическом правительстве У Ну, так и при сменивших его военных. В этом коренное отличие Бирмы от прочих стран региона: в Таиланде коммунистической герилье противостояла монархическая государственность, южновьетнамский режим Нго Динь Зьема (1954–1963) опирался на доктрину католического персонализма, индонезийские режимы Сукарно и Сухарто – на, соответственно, демократическую или авторитарную трактовку националистического кодекса «панча сила» (декларирующего веру в Бога, но без прямых указаний на приоритет ислама). Комбинация религиозности (с законодательным закреплением господствующего статуса Сангхи), демократизма и умеренно-социалистических идей доминировала в дискурсе АЛНС в период её нахождения у власти, включая наиболее критические для «рангунского правительства» 1948–1949 гг.

Правительство АЛНС, ведя боевые действия против коммунистических фракций, не отказывалось от идеи общенационального примирения: формально КПБ была запрещена только в 1953 г., спустя 5 лет с начала гражданской войны¹². Роль легальной левой оппозиции отводилась Рабочей партии Бирмы (РПБ), на базе которой в середине 1950-х был создан Национальный объединённый фронт (НОФ)¹³. Кого-то может удивить подобная толерантность к коммунистам и прочим леворадикалам, включая Народную добровольческую организацию (НДО) (будучи парамилитарным крылом АЛНС, НДО предала Рангун и присоединилась к мятежу; после гарантий амнистии прекратила борьбу и даже смогла создать свою легальную партию «народных товарищей»). Всегда подразумеваемый шанс на прощение для таких повстанцев (при условии разоружения) связан с господством левого дискурса в бирманском политикуме, что отмечает В.Ф. Васильевым¹⁴. Правоконсервативная разновидность бирманского национализма пришла в упадок после казни в 1948 г. заказчика убийства Аун Сана, лидера правой партии «Мьочи» – У Со (вместе с тем, Тэйлор указывает на общее в программах У Со и АЛНС, в частности, негативное отношение к индусской общине, планы по национализации торговли рисом и т.д.¹⁵). С достижением независимости марксизм, по оценкам некоторых исследователей, стал политическим «лингва франка» в Бирме¹⁶. Соответственно, центральное правительство в Рангуне столкнулось с необходимостью создания доктринально оформленной левой версии бирманского национализма (национального со-

циализма), которая бы основывалась на эгалитаристских и мессианских представлениях простонародья.

Обращение к религиозным чувствам бирманского крестьянства и использование приемлемых элементов социалистической риторики оправдали себя: правительству АЛНС удалось не только устоять перед лицом превосходящих сил коммунистов и сепаратистов, но и долгое время (до 1958 – 1962 гг.) сохранять демократический строй и фундаментальные гражданские права. Бирманская элита гордилась положением нейтральной страны, избежавшей крайностей левого и правого радикализма. В сочинении «Экономика срединного пути» (1959) философ У Тун Хла Оун выражал надежду, что «Бирма может возглавить остальной мир и доказать, что мудрость великого мудреца Востока и его нравственное влияние могут помочь уберечь мир от ужасной катастрофы, которой чреват конфликт между капиталистическими и коммунистическими силами»¹⁷. На успехи Бирмы обращали внимание иностранцы: знакомство с буддийской социал-демократией позволило британскому экономисту Э. Шумахеру разработать «мета-экономический» подход к ведению хозяйства. Вслед за У Ну, он настаивал на приоритете моральных ценностей в экономике¹⁸.

Военный переворот 1962 г. обернулся не столько сменой идеологической парадигмы, сколько её модификацией. Демократический вариант построения социализма с национально-религиозной спецификой исчерпал себя и уступил место военному режиму, лидеры которого также стремились соединить социализм, национализм и религию. Документы Партии бирманской социалистической программы (ПБСП) являют собой оригинальный пример «немарксистского (и, учитывая войну с КПБ – антикоммунистического) социализма». Конфронтация по линии «буддийский (национальный) социализм vs. интернациональный (с 1960-х – маоистский) коммунизм» продолжалась до 1988-89 гг., когда в прошлое отошли обе идеологии (военно-социалистический режим Не Вина сменила новая консервативно-буддийская хунта, КПБ распалась из-за мятежа этнических повстанцев).

С приходом к власти Государственного совета по восстановлению законности и порядка (ГСВЗП) в 1988 г. можно говорить о возврате правоконсервативных концептов в официальную идеологию. «Вторая хунта» полностью отказалась от использования термина «социализм» и попыталась провести рыночные реформы, аналогичные тем, что инициировались военными диктатурами в латиноамериканских странах (либерализация экономики при авторитарном политическом режиме). Предшествующий опыт ПБПС также осмысливался в

несоциалистическом контексте – подчёркивалась «бирманскость» невиновского режима, который был «социалистическим» только по названию. Генерал Со Маунг, обращаясь от имени ГСВЗП в 1990 г., характеризовал ПБПС следующим образом: «...Это был ни социализм, ни капитализм. Наша Мьянма обладала собственным “измом”»¹⁹. Если ПБПС выстраивала идеологическую линию, отталкиваясь от буддийской этики и при этом сохраняя формально светский характер режима (Не Вин не отличался религиозностью), то в риторике ГСВЗП буддийский фундаментализм занял главенствующее место. Подобная трансформация сближает лидеров «второй хунты» скорее с У Со и его парамилитарной организацией «галонов», нежели с Аун Саном, чью фигуру и наследие стремится «приватизировать» бирманская либеральная оппозиция. Тем не менее, государственная «политика памяти» по-прежнему апеллирует к Аун Сану, несмотря на полное «выветривание» всех левых, социалистических элементов из идейно-политических практик «второй» (и с 2021 г. – «третьей») хунты.

Внешнеполитический аспект

Любая гражданская война, оставаясь внутренним конфликтом, обладает определённым международным резонансом, провоцирует иностранное вмешательство (или сама является его следствием). Попадание Бирмы в «воронку» перманентной гражданской войны фундаментально повлияло на поведение этого государства на международной арене. Хроническая боязнь потенциального втягивания страны в межблоковое противостояние (с предсказуемыми последствиями для внутривнутриполитической стабильности) помогли укрепить такому явлению как бирманский нейтраллизм. Со времён премьерства У Ну за Бирмой закрепилась репутация «*страны-отшельника*», хотя после прихода к власти военной хунты это звание обросло негативными смыслами, всё более обозначая не добровольный отказ от участия в холодной войне, а иррациональный и непродуктивный изоляционизм.

При выработке Женевской конвенции в 1949 г. представитель Бирмы, военный аташе в Лондоне генерал Тун Хла Оунг представил развёрнутую критику статьи 3, которой регламентировалась защита гражданского населения «в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера»²⁰. Британский историк Дж. Бест в труде «Война и право после 1945 г.» (War and Law since 1945, 1994) уделил достаточное внимание замечаниям Оунга, оговорив, что по глубокости мысли выраженной позиции бирманский военный «один стоил многих»²¹. Оунг выражал беспокойство по поводу воз-

можной трактовки статьи 3, создающей прецедент для вмешательства в дела независимых стран. Приоритет международных инстанций в деле урегулирования «конфликтов, не носящих международного характера» (т.е. де-факто гражданских войн), по мнению Оунга, мог привести к возрождению колониальных войн в новых формах, включая потворство «тем чужеземным идеологиям, которые стремятся достичь большего распространения путём подстрекательства населения других стран»²². Эмоциональность генерала становится понятней, если учитывать, что его речь произнесена в момент апогея Гражданской войны в Бирме (под «чужеземными идеологиями» вполне отчётливо подразумевался коммунизм). Скепсис Оунга относительно допуска транснациональных гуманитарных организаций, в частности, Международного комитета Красного Креста, к «защите гражданского населения» будет унаследован будущими военными режимами. Символично, что уже на заре существования независимого бирманского государства, его представитель первым предугадал тогда ещё не оформившуюся доктрину «гуманитарной интервенции», которая в XXI в. будет активно использоваться против Мьянмы. Позиция Бирмы не получила поддержки (в т.ч. СССР и США), хотя Оунг рассчитывал найти единомышленников среди молодых постколониальных стран.

Великобритания, согласившись на мирный уход из Бирмы, на первых порах продолжала «протезировать» молодое государство. «Выживание» правительства АЛНС, окружённого врагами, находилось в интересах Лондона, вынужденного противодействовать коммунистическому повстанчеству в разных точках мира (Малайя, Индия, Греция и т.д.). Несмотря на общее политическое и финансовое ослабление по итогам Второй мировой войны, неспособность (и нежелание, в отличие от Франции и Нидерландов) вести затяжные колониальные войны, Великобритания по-прежнему воспринималась страной-колонизатором, что отравляло англо-бирманские отношения. Противники АЛНС, в особенности коммунисты, строили антиправительственную агитацию на англофобии: они настаивали на «фиктивности» достигнутой в 1947–1948 гг. независимости и на «кабальном» характере англо-бирманского договора 17 октября 1947 г.²³

Работа Британской военной миссии (British Services Mission) в 1948–1954 гг. осложнялась тем, что многие бирманские офицеры, с которыми приходилось взаимодействовать, ранее были прояпонскими коллаборационистами²⁴. Редким примером продуктивного военного сотрудничества англичан и бирманцев являются боевые действия 5-го полка бирманских стрелков (Burman Rifles, или Burifs) против муд-

жахидов и коммунистов в Ракхайне: командир полка британец полковник Раймонд Кампаньяк сумел сохранить эту боевую единицу даже после произошедшего в ней мятежа²⁵. Напряжённость в англо-бирманские отношения вносило «каренофильство» британцев: мятеж каренов, которых в британском МИД считали стойкими антикоммунистами, поставил лейбористское правительство перед выбором – продолжать помогать АЛНС или разыграть карту «независимого Каренистана»²⁶. В письме К. Эттли министру иностранных дел Э. Бевину от 23 февраля 1949 г. подчёркивалось, что британское оружие, поставленное Бирме, может использоваться только против «коммунистов и бандитов», но не для «подавления карен» (на практике контролировать распределение военных поставок оказалось невозможным)²⁷. Тем не менее, Великобритания не предоставляла систематической помощи сепаратистам; в рядах каренских формирований служило некоторое количество британских ветеранов из Force 136, что являлось их частной инициативой²⁸. На 1954 г. Бирма являлась одним из основных получателей британского вооружения наряду со странами Содружества и НАТО²⁹. С достижением первоначальных целей британской дипломатии в Бирме – устранением угрозы военной победы КПБ, погашением бирманского долга, компенсациями британскому бизнесу – влияние Лондона на ход вялотекущей гражданской войны сошло на нет.

Стратегия США относительно конфликта в Бирме неоднократно менялась. На раннем этапе американо-бирманских отношений в сознании бирманцев господствовал крайне привлекательный образ США как демократической державы, которая во внешней политике руководствуется гуманистическими идеалами и противостоит не только Японии, но и старым колониальным государствам. Формирование такого образа стало возможным благодаря антиколониальной риторике президента Ф.Д. Рузвельта, подчёркивавшего необходимость реального освобождения азиатских наций после победы над японским империализмом³⁰ (на деле Рузвельт не испытывал никаких симпатий к бирманцам; более того, в апреле 1942 г. в беседе с У. Черчиллем американский президент заявил, что «никогда не любил бирманцев» и что «ваши люди (т.е. британцы – Ф.П.) промучились с ними последние 50 лет»). Арест бирманского националиста У Со Рузвельт прокомментировал с помощью пародии на бирманское имянаречение: «Слава Богу, что Он-Со (He-Saw), Мы-Со (We-Saw) и Вы-Со (You-Saw) находятся у вас под замком. Я желаю вам бросить их охапку в кипящий котёл со стеной вокруг него и позволить им вариться в соб-

ственным соку»³¹). В условиях коммунистического мятежа рангунское правительство возлагало на США особые надежды, полагая, что американская помощь обойдётся для Бирмы «дешевле», чем поддержка со стороны бывших колонизаторов – британцев.

На практике Бирма не находилась среди приоритетов внешней политики США в процессе развёртывания «фронтов» холодной войны. По признанию газеты Times от 30 августа 1954 г., «для Пентагона Бирма это область... удалённая от основных стратегических центров власти, например, Урала и Маньчжурии; Пентагон не хочет увязнуть там»³². Американцы по-прежнему считали Бирму британской сферой влияния; борьба же правительства У Ну с коммунистическими повстанцами не представляла особого интереса для Белого Дома, поскольку Бирму сложно было использовать в деле ослабления главного противника США в холодной войне – СССР. По мнению Канбоза Вина, экс-секретаря по иностранным делам премьер-министра Союза Бирма, нежелание американцев активно включаться в борьбу демократической Бирмы с КПБ показывает, что «антикоммунизм США имел определённые рамки, т.е. проявлялся там, где было советское вмешательство и отсутствовал в тех странах, где сеяли хаос местные коммунисты»³³. И всё же определённая помощь оказывалась: по соглашению 13 сентября 1950 г. Бирме предоставлялось около 10 млн. долларов; в ноябре 1951 г. для операций против коммунистов в дельте Иравади бирманскому флоту было передано 10 подержанных катеров береговой охраны³⁴. Объём американской помощи не шёл ни в какое сравнение с британской и наладился уже после деблокады Рангуна, т.е. коренного перелома в гражданской войне.

Обострению американо-бирманских отношений способствовало неудачное для проамериканского Гоминьдана развитие гражданской войны в соседнем Китае. В начале 1950 г. Юньнаньская армия китайских националистов генерала Ли Ми, теснимая коммунистами, отступила на территорию Бирмы, где она, не считаясь с местными бирманскими властями, приступила к созданию плацдарма для операций против красного Китая. Северо-Восток Бирмы превратился в своего рода «континентальный Тайвань», с территории которого Гоминьдан намеревался взять реванш. Хозяйское поведение гоминьдановцев обуславливалось также их претензиями на территории шанских княжеств, которые в эпоху расцвета Империи Цин входили в состав Китая, но в конце XIX века были отторгнуты в пользу британской Верхней Бирмы. Гоминьдановское квази-государство пользовалось поддержкой администрации Д. Эйзенхауэра, считавшей армию китайских нацио-

налистов более перспективным союзником, чем неустойчивое правительство Бирмы.

Противостояние вооружённых сил Бирмы и армии Ли Ми крайне неблагоприятно отразилось на безопасности ЮВА. Посольство США докладывало, что благодаря Гоминьдану успехи правительства У Ну по наведению порядка в стране за последние 5 лет де-факто аннулированы³⁵. Слабое Тамадо по началу проигрывало опытным войскам «белых китайцев»: начатая против Гоминьдана операция под кодовым названием «Победоносный дракон» (февраль 1953 г.) из-за провала была прозвана «Побеждённый дракон». Рангунское правительство, дорожа отношениями с США, решилось вынести проблему на суд мирового сообщества только в марте 1953 г., когда жалоба Бирмы по поводу гоминьдановской интервенции поступила на рассмотрение ООН³⁶. Блокировка США резолюции, осуждающей чанкайшистский Китай, привёл к всплеску американофобских настроений в Бирме. Бирманский официоз, газета Nation в ноябре 1953 г. возмущалась, «почему Америка, которая сражается с коммунизмом, не прекращает наступление Гоминьдана, мешающего нашей собственной борьбе с местными коммунистами»³⁷. Последствием прогоминьдановской линии США стал отказ У Ну от ранее согласованной программы американской помощи Бирме и дрейф Рангуна в сторону СССР и КНР. Дипломатические усилия Бирмы не прошли даром: США всё больше убеждались в неэффективности использования гоминьдановцев для сдерживания коммунизма в ЮВА, американское разочарование в китайских националистах сопровождалось стремительной деградацией Юньнаньской армии до уровня местных варлордов. Уже в октябре 1953 г. США, Тайвань и Таиланд достигли договорённости по эвакуации китайских войск³⁸. Эвакуация растянулась на десятилетие, многие гоминьдановцы окончательно осели в Бирме, смешавшись с коренными народностями и монополизировав наркобизнес в т.н. «Золотом треугольнике». Р. Тэйлор высказывает мнение, что именно война с Гоминьданом укрепила Бирму (независимо от правящего режима), ранее придерживавшуюся прозападной ориентации, в необходимости «нейтрализма» на международной арене³⁹.

Ни одна из стран, имеющих общую границу с Мьянмой, не оказывала на её внутренний конфликт столь сильное влияние, как Китай. Бирмано-китайские противоречия вытекали не столько из идеологической несовместимости «буддийского социализма» и китайского коммунизма, сколько из естественного алармизма малого государства по поводу угрозы, исходящей от соседней «империи». Борьба с наше-

ствием цинской армии в 1760-х гг. – важная компонента бирманской национальной памяти, подпитывающая недоверие к Китаю. Американский исследователь Р. Холмс в 1972 г. ссылаясь на слова профессора-бирманца, получившего образование в США, согласно которому «бирманская внешняя политика основана на неизменной аксиоме, что к северу от нас – 700 миллионов китайцев»⁴⁰. Победа Коммунистической Партии Китая (КПК) над Гоминьданом на рубеже 1949/50 гг. имела двоякие последствия: с одной стороны, увеличила опасения по поводу коммунистической революции в Бирме, с другой – «выдавила» войска китайских националистов на территорию соседнего слабого государства, добавив ещё одного врага рангунскому правительству. «Архитектору» бирманской централизованной армии в 1950-е гг., члену Социалистической партии полковнику Маун Мауну принадлежит рассуждение о единственном внешнем противнике Бирмы: «Бесспорно это китайцы. Индийцы не представляют проблемы. Тайцы недостаточно сильны. В реальности никто не собирается вторгаться к нам с моря. Единственный агрессивный элемент – это коммунизм. Но русские не могут появиться здесь. Единственные коммунисты, которые могут прийти [в Бирму] это китайцы»⁴¹. Исходя из этого утверждения формировалась оборонная доктрина Тамадо периода холодной войны. Надо сказать, что Китай времён «культурной революции» делал всё, чтобы оправдать опасения бирманских синофобов: по оценке шведского исследователя Б. Линтнера, «на протяжении десятилетия (1960-х гг.) Китай вложил в Коммунистическую Партию Бирмы больше средств, чем в любое другое коммунистическое движение за пределами Индокитая. Тысячи китайских “добровольцев” устремились через границу, чтобы сражаться вместе с их бирманскими товарищами»⁴². Отношения с Пекином максимально ухудшились в 1967 г., когда в Бирме прошла волна антикитайских погромов (вспыхнувших, в свою очередь, из-за более чем очевидной связи КПК и Китая)⁴³. За режимом ПБПС маоистская пропаганда официально закрепила ярлык «фашистского» и «реакционного».

Тем не менее, ошибочно представлять бирмано-китайские отношения – даже периода холодной войны – как бесконечную конфронтацию. Несмотря на прокитайскую ориентацию коммунистических повстанцев, основы «братских» («паук пхо») отношений между двумя странами были заложены ещё при демократическом правительстве У Ну, а демаркация границы состоялась в 1960 г., уже при военном правительстве. Бирмано-китайские отношения всегда демонстрировали оживлённую динамику и высокую амбивалентность. Вслед за

реформами Дэн Сяопина, во внешней политике Китая стал преобладать прагматизм: повстанцы-маоисты, в т.ч. в Бирме, получали всё меньше поддержки, что привело к закату, а затем и коллапсу КПБ в 1989 г. вследствие мятежа этнических ва против бирманской номенклатуры. Вместе с тем, Китай не отказался от давления на Мьянму через де-факто подконтрольное Пекину государственное образование на мьянманской территории – государство Ва (штат Шан), образованное выходцами из КПБ. Формально считаясь партнёром военного режима, Китай в 1990-х – 2010-х гг. стремился укрепить свои позиции среди этнических меньшинств (качинов и шанов) и бирманской оппозиции. Тезис о «прокитайской» ангажированности военного режима, регулярно встречающийся в бирманистических исследованиях и СМИ, на наш взгляд, требует пересмотра, учитывающего как «многовекторность» политики Пекина относительно Мьянмы, так и доминирование в публичном дискурсе хунты идеологии национализма (что исключает или, по крайней мере, затрудняет контроль Пекина над хунтой).

Критическое значение для Бирмы 1948–1949 гг. имела финансовая и военная помощь, оказанная Индией – едва ли не единственным соседом, которого справедливо назвать «союзником» Рангуна. Правительство Индийского Национального Конгресса (ИНК) в эти годы также чувствовало угрозу со стороны коммунистических мятежников, в связи с чем борьба бирманских националистов против КПБ находила положительный отклик среди индийской государственной элиты (относительно коммунистических «гериллий» в Малае и Индонезии Дж. Неру занимал аналогичную позицию). Самолёты и амуниция, поставленные в 1949 г. Бирме, помогли предотвратить крах бирманской государственности, что признавалось и самим У Ну⁴⁴. «Индийский фактор» в бирманском конфликте не исчерпывался внешней политикой Нью-Дели: «по другую сторону фронта» за влияние на КПБ конкурировали две крупнейших азиатских компартии – китайская и индийская (конкуренция закончилась поражением второй)⁴⁵. После 1962 г. бирмано-индийские отношения, базировавшиеся на личной дружбе премьер-министров обеих стран, У Ну и Дж. Неру, качественно понизились. Во время «демократической революции» 1988 г. ИНК морально поддерживал протестующих против военного режима⁴⁶. Присоединившись к экономической блокаде «диктаторской» Мьянмы, Индия в 1990-е гг. позволила Китаю, своему главному геополитическому сопернику, заполучить беспрецедентное влияние на страну с выходом в Индийский океан. Тем не менее, с начала XXI века в ин-

дийско-мьянманских отношениях наблюдался стабильный прогресс, причём первостепенное внимание отводилось противодействию повстанческим группировкам (манипурским, нагалэндским, качинским) в «серой» пограничной зоне⁴⁷.

Помимо сверхдержав и соседних государств, в бирманском конфликте заметно участие акторов, расположенных далеко за пределами Юго-Восточной Азии. Пристальный интерес к Бирме проявляла титоистская Югославия, являвшаяся лидером Движения неприсоединения. Бирманское правительство видело в Югославии подходящий пример небольшой, но обороноспособной социалистической страны, сумевшей избежать зависимости от мирового гегемона (СССР), что перекликалось с чаяниями самих бирманцев, не желавших для себя участи сателлитов Китая и/или СССР. Между двумя странами установилось военно-политическое партнёрство: югославское вооружение результативно применялось Тамадо против войск Гоминьдана (использование британского или индийского оружия против союзников США могло бы обернуться проблемами для Рангуна)⁴⁸.

Весьма плодотворным можно назвать сотрудничество Бирмы и Израиля. Став первой азиатской страной официально признавшей Государство Израиль, Бирма в 1950-е гг. пользовалась выгодами от тесного военно-технического обмена с Тель-Авивом. В ходе визита в Израиль в 1955 г. У Ну оценил достоинства системы «военных поселений» и решил использовать израильский опыт в антипартизанской борьбе Тамадо. Именно с израильских киббуцев была скопирована система «пьюсотхи», или деревенской самообороны: 4 укреплённых деревни были построены в штате Шан, к западу от реки Салуин, ещё несколько в штате Качин, возле города Путао. Кроме того, бирманцы обратили внимание на милитаризацию женщин в военной доктрине Израиля, создав собственный аналог Женского корпуса израильской армии (что, в целом, коррелировало с более «маскулинным» статусом женщины в обществах юго-восточноазиатского региона). Цахал, так же как и Народно-Освободительная Армия Югославии, был принят за образец для структурной реорганизации Тамадо. Бирманцев, прежде всего, привлекала концепция «вооружённой нации», способной переходить от регулярной войны к герилье, и наоборот. В 1958 г. начальник израильского Генштаба ген. Моше Даян посетил Бирму, а в следующем году ген. Не Вин, будучи главой «временного» военного правительства, нанёс ответный визит в Израиль. Переворот 1962 г. и стремление режима ПБПС наладить контакты с арабскими странами, понизил доверие между Рангуном и Тель-Авивом, но не положил ко-

нец сотрудничеству. Поставки оружия режиму «второй хунты», в частности захваченного Цахал у палестинских боевиков в Ливане, послужили в 1988-1989 гг. основанием для слухов о секретном оборонительном пакте между Мьянмой и Израилем⁴⁹. Определённую, по крайней мере, моральную поддержку израильских военных кругов вызвали операции мьянманской армии против мусульман-рохинья в 2017 г.

Кроме «неприсоединившихся» государств, Югославии и Израиля, действенное участие в создании боевой мощи Тамадо приняла Австралия. К 1957 г. она обеспечила подготовку 90 бирманских офицеров; в свою очередь, бирманское руководство запросило у Канберры военных советников для обучения антипартизанской войне. Важно понимать, что Австралия ощущала события в Бирме гораздо острее, чем Великобритания и Содружество в целом: коммунистическая (как ранее, японская) экспансия в Азиатско-Тихоокеанском регионе воспринималась ею как угроза собственному существованию, а Бирма, ведшая смертельную борьбу с КПБ, виделась естественным союзником. В 1957 г. в Бирму прибыл полковник Фрэнсис («Тед») Серонг, глава Учебного центра по войне в джунглях (Jungle Warfare Training Centre). Обучение выстраивалось им с учётом опыта Корейской войны и противодействия пехоте «китайских народных добровольцев». Австралийский советник заручился симпатией бирманского офицерства, тем более, что за работу он принялся с энтузиазмом: как австралийский патриот и католик-антикоммунист Серонг очень серьёзно отнёсся к потенциальному конфликту Бирмы и коммунистического Китая. В 1960 г. он был повышен до стратегического советника, однако после переворота 1962 г. и нормализации бирманско-китайских отношений был вынужден вернуться в Австралию, сохранив позитивные воспоминания о бирманском периоде (в дальнейшем Серонг участвовал в подготовке армии Южного Вьетнама). На момент 1987 г. Австралия всё ещё рассматривала Бирму как дружественного соседа⁵⁰. Изоляционистская внешняя политика не мешала бирманскому режиму строить военно-техническое партнёрство с ФРГ⁵¹, Пакистаном (несмотря на поддержку им араканских муджахидов на раннем этапе гражданской войны)⁵² и Сингапуром⁵³.

Выявление роли того или иного внешнего актора в бирманском конфликте затрудняется изменчивостью политики иностранных государств на разных этапах затянутой гражданской войны. Например, если в 1980-х гг. США спонсировали режим ПБПС и поставляли ему военную технику (вертолёты) для борьбы с наркоторговлей в т.н. «зо-

лотом треугольнике», то с 1988 г. в американской внешней политике возобладали резко антибирманская линия. Таким образом, актуальным для историков-бирманистов становится обращение к небирманским источникам и документам. Особенно это касается влияния СССР и Российской Федерации на внутренние процессы в Бирме-Мьянме. Необходимо констатировать, что за пределами внимания отечественных бирманистов остались опубликованные на английском языке воспоминания сотрудника советского посольства в Рангуне Александра Казначеева⁵⁴. Между тем, они являются ценным, хотя и специфическим (автор, испытывая разочарование в советской системе, стал «невозвращенцем») источником по советско-бирманским отношениям в 1940-60-е гг.

Окончание в Т. 3, № 2 (59), 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

ПОПОВ Фёдор Алексеевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры новейшей отечественной истории, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 31.05.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fedor A. POPOV, PhD (Hist.), Assistant of the Department of Contemporary National History, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia

The article was submitted 28.04.2023; approved 15.05.2023; accepted to publication 31.05.2023.

¹ Thawngmung A.M. & Cho V. Karen Nationalism and Armed Struggle: From the Perspective of Zipporah Sein. In S. Blackburn & H. Ting (Eds.), *Women in Southeast Asian Nationalist Movements*, 2013. P. 254.

² Chan A. The Development of a Muslim Enclave in Arakan (Rakhine) State of Burma (Myanmar) // *SOAS Bulletin of Burma Research*. 2005. № 2 (3). P. 406.

³ Houtman G. *Mental Culture in Burmese Crisis Politics: Aung San Suu Kyi and the National League for Democracy*. Tokyo, ILCAA Monograph Series, 1999. P. 61.

⁴ Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. С. 206-207.

⁵ Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. С. 291.

⁶ Taylor R.H. *General Ne Win: a political biography*. Singapore, Institute of Southeast Asian Studies, 2015. P. 89.

⁷ Taylor R.H. *General Ne Win: a political biography*. P. 89.

⁸ Aung Thwin, M. Genealogy of a Rebellion Narrative: Law, Ethnology and Culture in Colonial Burma. *Journal of Southeast Asian Studies*. 2003. № 3 (34). P. 393-419.

⁹ Васильев В.Ф. Указ. соч. С. 105-106.

¹⁰ Синицын Ф.Л. К истории возникновения теории общности буддийского учения и коммунистической идеологии // *Вопросы философии*. 2012. № 6. С. 106-115.

¹¹ Ильин И.А. *Сначала Азия* // *Наши задачи*. Статьи 1948 – 1954 гг. Том 1. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 100.

¹² Sarkisyanz E. *Buddhist backgrounds of the Burmese Revolution*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1965. P. 189.

¹³ Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. С. 261.

¹⁴ Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. С. 261.

¹⁵ Taylor R. H. *Politics in Late Colonial Burma: The Case of U Saw* // *Modern Asian Studies*. 1976. № 2 (10). P. 192.

- ¹⁶ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia: Britain, the United States and Burma, 1948–62. London, NY, Routledge, 2010. P. 16.
- ¹⁷ Sarkisyanz E. Buddhist backgrounds of the Burmese Revolution. P. 203.
- ¹⁸ Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. / Пер. с англ. Д. Аронсона. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 9.
- ¹⁹ Houtman G. Mental Culture in Burmese Crisis Politics... P. 91.
- ²⁰ Бест Дж. Война и право после 1945 г. / Пер. с англ. М. Юмашева. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. С. 276–280.
- ²¹ Бест Дж. Война и право после 1945 г. С. 165.
- ²² Бест Дж. Война и право после 1945 г. С. 278.
- ²³ Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. С. 216.
- ²⁴ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 24.
- ²⁵ Taylor R.H. General Ne Win: a political biography. P. 26.
- ²⁶ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 29.
- ²⁷ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 32.
- ²⁸ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 33.
- ²⁹ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 64.
- ³⁰ Win K. An epilogue on Burma-American relations: a Burmese perspective // *Asian Perspective* 1986. № 2 (10). P. 312–313.
- ³¹ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 77.
- ³² Win K. An epilogue on Burma-American relations... P. 314.
- ³³ Win K. An epilogue on Burma-American relations... P. 315.
- ³⁴ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 87–88.
- ³⁵ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 103.
- ³⁶ Win. K. An epilogue on Burma-American relations... P. 316–317.
- ³⁷ Win K. An epilogue on Burma-American relations... P. 318.
- ³⁸ Foley M. The Cold War and national assertion in Southeast Asia... P. 114.
- ³⁹ Taylor R.H. Foreign and Domestic Consequences of the KMT Intervention in Burma. South-east Asia Program Department of Asian Studies, Cornell University, Ithaca, New York, 1973. P. 66–67.
- ⁴⁰ Holmes R.T. Burma's foreign policy toward China since 1962 // *Pacific Affairs*. № 2 (45). 1972. P. 240.
- ⁴¹ Callahan M.P. Making enemies: War and State Building in Burma. Ithaca, NY, Cornell University Press, 2005. P. 161.
- ⁴² Цит. по: Gupta A.R. China and its Peripheries: Beijing's Myanmar Strategy. Institute of Peace and Conflict Studies, 2013. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep09016>
- ⁴³ Fan H. The 1967 anti-Chinese riots in Burma and Sino-Burmese relations // *Journal of South-east Asian Studies*. 2012. № 2 (43). P. 234–256.
- ⁴⁴ Lakshmana Chetty A. India and the Civil war in Burma, 1948–50 // *Proceedings of the Indian History Congress*. 1979. Vol. 40. P. 1025–1033.
- ⁴⁵ Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. С. 223.
- ⁴⁶ Lubina M. Overshadowed by Kala: India-Burma relations // *Politeja*. 2016. № 40. P. 451.
- ⁴⁷ Михайлов С.А. «Золотой треугольник сепаратизма»: проблемы релевантного взаимодействия стран региона // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2022. Т. 14. № 2. С. 149.
- ⁴⁸ Čavoški J. Arming Nonalignment: Yugoslavia's Relations with Burma and the Cold War in Asia (1950–1955) (New Evidence from Yugoslav, Chinese, Indian, and U.S. Archives). CWIHP Working Paper 61, 2010. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/arming-nonalignment-yugoslavia-relations-burma-and-the-cold-war-asia-1950-1955>
- ⁴⁹ Selth A. Burma's Secret Military Partners. Canberra, Strategic and Defence Studies Centre, Australian National University, 2000. P. 45–60.
- ⁵⁰ Selth A. Australian Defence Contacts with Burma, 1945–1987 // *Modern Asian Studies*. 1992. № 3 (26). P. 451–468.
- ⁵¹ Selth A. Burma's Secret Military Partners... P. 7–26.
- ⁵² Selth A. Burma's Secret Military Partners... P. 61–70.
- ⁵³ Selth A. Burma's Secret Military Partners... P. 27–44.
- ⁵⁴ Kaznacheev A. Inside a Soviet Embassy. Experiences of a Russian Diplomat in Burma. Philadelphia and New York, D.J. Lippincott, 1962. 250 p.